
Рольф ТИН

Религия и политическая культура в посткоммунистической России

Драматические перемены 1980—1990-х годов в Советском Союзе и Восточной Европе, которые повлекли за собой молниеносное изменение политического пейзажа, вновь возродили вопрос о направлении и перспективах развития России — вопрос, поставленный Н. Гоголем: «Русь, куда ж несешься ты?». После «семидесяти лет дороги в никуда» (как гласил один из плакатов на недавних московских митингах) вопрос о путях России вновь горячо обсуждается. Пользуясь словами Гоголя, находится ли Россия все еще (или вновь) в аду, прорываясь в чистилище, или она проходит сквозь чистилище, найдя наконец путь к лучшему будущему? И чего можно ожидать от России, свободной от деспотизма, но обремененной «издержками свободы»? Насколько серьезную силу представляет религия после более чем семидесятилетнего правления коммунистов?

Если, как утверждают многие ученые, русской истории присуще циклическое развитие, правомерно поставить следующий вопрос: «Какое время сейчас показывают часы русской истории?». Политические события прошлого года, в частности августовская попытка государственного переворота и последовавший за ней правительственный кризис в России, только подлили масла в огонь. Ознаменовал ли собой путч окончание или же начало нового «смутного времени» в России? Были ли семьдесят лет советской власти полным ее поражением, как утверждают некоторые, или же они содержали какие-то позитивные, искупительные черты, которые могут оказаться полезными, а то и основополагающими для любой серьезной попытки построить счастливое будущее? И даже если десятилетия советской власти мы осудим как нарастающую катастрофу, можно ли просто вычеркнуть их из русской истории? Наконец, допустив, что попытка стереть почти три четверти века из опыта и памяти народа возможна, будет ли она осуществлена? Учитывая наследие, оставленное советской властью, какими могут быть возможности, условия и перспективы будущего развития России, уводящего ее с рельсов, проложенных большевистской революцией?

Я намерен показать в настоящей статье, что одним из таких условий является успешный поиск Россией своей новой идентичности. Если оглянуться назад, станет ясно, что период власти М. Горбачева ознаменовал собой явственный слом прежней модели развития. Начиная с 1987 г. содержанием перестройки было прежде всего разрушение сталинской сис-

¹ См., например, «Московские новости», 1990, № 20, с. 8—9.

² Этот вопрос позаимствован из заглавия работы Р. Тапера «Цари и комиссары: какое время показывают часы советской истории?». См. «Мир и я», т. 6, № 4 (апрель 1991), с. 545.

Т и н Р. (Theen R. W.) — профессор политологии университета Педью (Вест Лафейст, штат Индиана, США).

темы, процесс, происходивший не без сбоев и отступлений. Однако в мировом смысле этот процесс также открыл путь поиску новой идентичности. В обстановке нарастающей дискредитации социализма среди широких кругов политической элиты, интеллигенции и народных масс, стихийной и ускоряющейся декоммунизации и деидеологизации общества многие советские люди так или иначе приходили к раздумьям о том, кто же они и куда идут.

Для нерусских народов — как в Российской Федерации, так и в других республиках — этот процесс, как хорошо известно, вылился в борьбу за автономию или независимость от Москвы. Для русских поиск идентичности и стремление уйти от контроля Центра также означал попытку отыскать свой путь в глубинах истории. Комментируя «пробуждение России», философ А. Ципко писал: «Объяснить происходящее с нами, с нашей страной трудно. Народ, так жестоко, по-варварски расправившийся со своим прошлым, со своей культурой, со всеми корнями, для которого, казалось бы, нет ничего более желанного, чем смерть своих святынь, теперь плачет, сокрушается, мучается от своей победы над прошлым, готов тысячу раз проиграть легкомысленно начатую им игру. Но история не сдает снова карты, ибо за карточным столом нет никого, кроме победителей. И приходится им тащить на себе тяжкий груз этой великой победы. А их внуки, правнуки бродят на развалинах прошлого, в пыли и радуются, как дети, каждому найденному обломку старой России... И идем мы сегодня с испугом в храм, повинуюсь какому-то внутреннему голосу. Идут сотни, тысячи подростков, молодых людей, чтобы поклониться прошлой неизвестной жизни, идут, может быть, без веры, но с чувством радости, с желанием, надеждой обрести себя. Дух реставрации, возвращения к прошлому обуял нас до того, как умерли последние свидетели умершей России. Мы, живущие здесь, на территории старой России, получили возможность общаться с теми, кто в изгнании сохранил ее дух, ее культуру, святыни, язык. А они, последние из могикан, все же дождались, когда их усыпленный коммунизмом народ очнулся, приходит в себя, обретает здоровое понимание жизни. Поэтому есть основание говорить, что ослепление и прозрение все же произошли при жизни одного поколения. В России ко всему успевают тот, кто живет долго»³.

Ключевой вопрос состоит в том, что же означает возврат к прошлому и к «нормальной жизни» в сегодняшних условиях? К какой отправной точке в своей истории должна вернуться Россия? К доперестроечной Советской России или к ленинскому нэпу? К дореволюционному периоду? До какой революции? К России до Октябрьской или до Февральской революции? Иными словами, что такое «старая Россия»? Разные взгляды на эти проблемы разделяют сегодня русских людей, озабоченных будущим политическим развитием страны и ее отношениями с соседними государствами.

Является ли главным приоритетом возврат к «нормальной жизни»? Народ, вне всякого сомнения, считает именно так. Приведу лишь один пример — высказывание Н. Травкина: «У меня «мосты сожжены». Как человек, гражданин, личность, политик могу состояться, лишь если победит перестройка. Поэтому делаю и буду продолжать делать все, чтобы перестройка состоялась. У меня действительно нет альтернативы, кроме как быть втоптаным в грязь, оказаться в «стойле». В «стойло» обратно не хочу и не пойду. Продолжение личной корысти — нашему поколению «восьмидесятников» не успеть построить общество, основанное на здоровом смысле, а не на коммунистических идеях, построить общество для человека,

³ «Московские новости», 1990, № 26, с. 3.

а не «мощную державу». Но мы обязаны заложить основы для моих детей, поэтому моя корысть — в нормальной жизни для детей своих, моих близких»⁴.

Обращаясь все к той же проблеме, писатель В. Ерофеев ставит (со ссылкой на А. де Кюстина) острые вопросы: возможно ли, чтобы шестая часть земли имела свои собственные, особые отношения с временем и общественным развитием, возможно ли, чтобы застой и несчастье были присущи не только режимам Брежнева и Николая I, но всей российской истории в целом, циклически повторяющейся истории? Если так, какое историческое болото должна пробудить перестройка и все связанные с ней надежды? Каким образом можно разорвать этот порочный круг?

Таким образом, «ненормальность» жизни в посткоммунистической России и ощущение замкнутости в «порочном круге» режимов, чьими постоянными элементами были «застой и несчастье», лишь эпизодически прерываемые плодотворными периодами надежды и прогресса, представляют собой серьезную помеху становлению нового государственного устройства, повсюду признанного легитимным. Те же самые факторы в огромной степени затрудняют и поиск новой идентичности — что и так является трудной проблемой, усугубляемой драматическими изменениями территориального и политического облика России и ее места в мире.

Но если в прошлом «целостность, слава и благоденствие народа» были, как утверждал А. Токвиль, «религиозной догмой» для русских людей, то сегодня ситуация требует заново определить концепцию науки — уходящую от имперского самосознания. Новая Россия должна быть таким государством, в котором все граждане, независимо от их национальной принадлежности, будут иметь равные права и возможности, а не таким, в котором право на самоопределение будет принадлежать одной только крупнейшей нации. В новой России религия должна быть отделена от государства и должна проявляться высочайшая терпимость в вопросах национального (этнического) происхождения, языка, культуры и вероисповедания граждан.

Способность разрешить эти ключевые проблемы непосредственно зависит от того, в какой степени Россия сможет освободиться от догм прошлого — а это, судя по всему, задача не из легких. Сентенции Б. Ельцина и М. Горбачева, наподобие той, что «мы не можем представить себе Союза без Украины», возрождение Ельциным современного варианта царских генерал-губернаторов (наместников), претензии на провозглашение России преемницей бывшего Союза, высказываемые сторонниками Ельцина (например Г. Бурбулисом), — все это способно лишь увеличить опасения нерусского населения в отношении того, что в новом государстве оно будет поглощено воскресшей Российской империей.

Другим условием стабильного процесса демократизации является трезвое и реалистическое осознание теперешней ситуации в России и ее положения в недавнем прошлом. Хотя и велико искушение перечеркнуть весь советский период, но нет ничего хорошего в забвении Ленина, Сталина и их последователей. Переписывание истории на ходу чревато опасностью создать ортодоксальность, которая так же легко скроет правду, как это делала опальная теперь коммунистическая доктрина. Этого нельзя допустить, какими бы весомыми и неотразимыми ни казались причины для такого переписывания.

К примеру, хотя переименование Ленинграда, может быть, совершенно оправданно, все же именно Ленинград, а не Санкт-Петербург выстоял 900 дней фашистской блокады. И не слишком ли преждевременно выносить приговор относительно места Ленина в русской истории, учитывая, что здесь есть еще много неразрешенных вопросов? Можно понять тех, кто охвачен манией разрушения памятников и других символов советской

⁴ «Московские новости». 1990, № 16, с. 8.

власти, но чего они в действительности добились? Чем отличается это безумное крушение символов от того, что вершили русские много веков тому назад, когда, приняв христианство, они сбрасывали в реки языческих истуканов, или же после победы Октябрьской революции, когда они пускали в переплавку бронзовые статуи императоров? Может быть, Россия последует примеру Римской империи, где статуи императоров имели съемные и заменяемые головы, или воспользуется советом польского фантаста С. Лема: «Свергая монументы, берегите пьедесталы — они еще могут пригодиться!»?

Уже прозвучали предложения поставить памятник Б. Ельцину. Разве из этого возникнет дух «новой» и «демократической» России? Не будет ли новая пост-советская историография, попытки зарождения которой мы наблюдаем, приобретать, добровольно или вынужденно, вид новой агиографии, обслуживающей на этот раз уже других жрецов и другие догмы? Будем надеяться, что этого не произойдет! Может быть, наилучшим выходом было бы сохранить символы советской власти — как наизидание и предостережение потомкам. В конце концов, проблема совсем не в том, что остались какие-то символы советского режима, а в том, что сохраняется его суть — взращенное этим режимом мышление, созданные им обычаи, образ жизни, ценности... Для того чтобы преодолеть это наследие, надо смело смотреть в прошлое и бороться с ним, а не игнорировать и не хоронить его. В литературе и истории, в науке и философии, в искусстве и повседневности — во всем России нужен свой способ преодоления прошлого. Как и в Германии, переход от авторитаризма к демократии в политике здесь не может быть осуществлен без противостояния с прошлым. Еще маркиз де Кюстин, размышляя о «вечной России», предупреждал, что «настоящее, грубо отрываемое от прошлого, обещает лишь несчастье»⁵.

Во многих отношениях нововведения советской эпохи были так же чужды России по своему характеру, как и реформы Петра Великого. В обоих случаях привнесенные извне перемены имели целью наращивание военной мощи и насаждались они на почву нересторнируемого, традиционного общества. Однако, несмотря на искусственный характер этих перемен, они оставили неизгладимый след в облике как петровской, так и сталинской России. Понадобится время — и долгое время — для преодоления последствий сталинской эпохи, несмотря на то, что уже многое в этом отношении сделано и делается.

Третьим условием для неуклонного и в конечном счете успешного процесса демократизации является наличие реалистических временных рамок, что, в свою очередь, предполагает адекватную оценку сегодняшней ситуации. Это тема для отдельной статьи, здесь же ограничусь несколькими замечаниями.

Наряду с восстановлением экономики и политической стабильностью, которые обычно рассматриваются как жизненно необходимые предпосылки для успешной демократизации в России, важно также определить значение перемен в переходе от авторитарного политического устройства к демократическому. Если понимать общество и, стало быть, присущую ему политическую систему как единый организм, а не как механизм, то из этого следует, что для изменений в политической системе существуют лишь ограниченные возможности. В особенности в период мощного движения к революционным преобразованиям важно помнить, что радикальные решения не являются панацеей для сложных и многоаспектных проблем, имеющих долгую историю и глубоко уходящих корнями в историю и культуру. Сомнительно, чтобы быстрое и некритическое привнесение сюда западной практики и западных методов могло иметь успех. Эту ошибку уже совершил однажды Великий Петр. Сама природа политической реальности, с которой

⁵ De C u s t i n e A. Journey for Our Time. Chicago, 1951, p. 359.

столкнулась Россия, требует более осторожного подхода. Необходимо сохранять равновесие между демократизацией политического устройства и демократизацией общества. Как давным-давно заметил Дж. Милль, за либеральным правительством должно стоять либеральное общество — а становление такого общества в России, даже при благоприятных условиях, представляется долговременной задачей. Нереалистические ожидания и нетерпеливые попытки приблизить наступление трудных, но необходимых перемен могут привести к такой политике, которая лишь усугубит и без того тяжелую ситуацию в России.

Исторически тесная и прочная связь религии с государством породила в России политическую культуру, которая была сформирована многовековой традицией авторитаризма в политике и в то же время сама служила инструментом развития этой традиции. Эта политическая культура являлась важной базой, поддерживавшей в русской истории процесс становления государства с XVI в. до советского периода, а также источником религиозной нетерпимости. Для успеха демократизации в России именно это качество политической культуры должно быть изменено.

Для развития и процветания демократии Россия должна иметь граждан, т. е. людей, заинтересованных в делах общества, имеющих право голоса в принятии решений и, следовательно, способных участвовать в процессе управления. Такие граждане должны появиться в результате социализации, отражающей ту дифференциацию, которая проходит в советском обществе на протяжении последней четверти века и не подконтрольна властям. В новой, демократической России должна быть политическая культура участников, а не подданных государства. Это должна быть политическая культура, признающая легитимность существования различных интересов и относительно автономных структур общества, таких как семья, религиозные организации, воспитательные учреждения, ассоциации различного рода, включая политические партии, и свободное взаимодействие между ними должно находить отражение в самой политической культуре. Наконец, эта политическая культура должна быть родственна российской истории и культуре, иметь глубокие корни в ее почве. Это означает, что подлинно демократические идеалы и установления дореволюционной России, которые (хотя и были по большей части уничтожены) продолжали существовать бок о бок с доминирующей авторитарной политической традицией, должны быть возрождены на прочной основе развития демократической культуры народа.

В то время когда подорвана конституционная база для всех практических предложений, когда разрушен законопорядок, нарастает экономический кризис, парализована власть и продолжаются межнациональные столкновения, есть, видимо, сильный соблазн избрать иллюзорный путь быстрых революционных преобразований. Но, как убедительно доказывал Э. Дюркгейм, самые важные перемены в истории человечества происходили в результате неспешных и постепенных общественных преобразований, а не в результате революций. Как в царской, так и в Советской России слишком много надежд возлагалось на указы и декреты, слишком крепко верили в команду сверху, в магическую силу бюрократического приказа — отдан ли он царским чиновником или коммунистическим аппаратчиком. Однако демократия, как и коммунизм, не может быть установлена по приказу начальства.

В то же время ввиду чрезвычайного кризиса, который переживает

Россия, успешный переход к демократии со всей очевидностью требует исключительно сильного руководства. Но должно ли такое руководство переходного периода быть диктаторским, как указывают даже некоторые российские «демократы»? Разве это единственный путь решения сегодняшней российской дилеммы? На этот вопрос я отвечаю решительно: «Нет!». Демократическому руководству вовсе необязательно быть слабым руководством, обладающим ограниченной исполнительной властью. В период острейшего кризиса, как показывает пример Пятой республики во Франции при Ш. де Голле, либеральная демократия — как система правления, при которой исполнительная власть строго контролируется законодательной, — вполне способна преодолеть невозможное. Перед лицом неослабевающего сопротивления и обструкций со стороны остатков партийного аппарата, сохраняющих свой контроль во многих областях и районах, имея раздираемый фракционной борьбой парламент и раскол в высшем руководстве, Ельцин, по всей вероятности, не имеет другого выбора, нежели продолжать политику реформ с помощью указов. Таким образом, в России, как и в других государствах бывшего СССР, освобождающихся сейчас от коммунистического господства, наиболее подходящей формой правления в ближайшем будущем может стать власть голлистского типа, в которой исполнительная ветвь является доминирующей, но не всесильной и ограничивается независимой судебной властью, лидер зависит от доверенного ему народом мандата и гарантируется право избирателей отозвать своих депутатов. Возможно, только такое руководство может создать и поддерживать необходимые условия для рождения и развития демократических ценностей и учреждений в новой России.

© Р. Тин (Theen R. W.), 1992
© Т. Ильина — перевод, 1992